

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

М. В. ВИТОВ

Антропологические материалы уже давно, по крайней мере около ста лет, используются в русской науке как один из важнейших исторических источников. По существу, этническая антропология сложилась в научную дисциплину именно в связи с использованием данных о физическом типе человека для изучения этнической истории, т. е. в связи с исторической проблематикой.

Естественно, что особенно велика роль данных антропологии в изучении древнейших ступеней развития человеческого общества. Но и для более поздних эпох данные антропологии продолжают сохранять свое значение важного исторического источника; причем наибольшее значение они, очевидно, имеют для таких областей эйкумены, по которым письменные источники или малочисленны или отсутствуют вовсе. Между тем, если антропологов интересуют, как правило, ранние этапы этногенеза восточнославянских и других народов русской равнины, то историки часто игнорируют данные по антропологическому составу населения II тыс. н. э., которые могли бы быть ими использованы для характеристики складывания народностей и наций. Характерно, например, что в общих источниковедческих работах в перечне различных видов исторических источников, в частности, применительно к истории Восточной Европы, данные антропологии даже не упоминаются. Это присуще и старым исследованиям (известный труд А. С. Лаппо-Данилевского) и новым обобщающим работам в области источниковедения: М. Н. Тихомирова, В. И. Стрельского¹.

Вряд ли нужно доказывать, что как ископаемый скелетный материал, так и антропометрические материалы по современному населению должны занять особое самостоятельное место в классификации видов исторических источников (отличное, в частности, от так называемых «вещественных» источников). Широкое использование историками данных этнической антропологии послужит дальнейшему расширению источниковедческой базы исторических исследований, характерному для современного этапа развития исторической науки.

В настоящей статье я имею в виду рассмотреть значение и возможности использования данных этнической антропологии как исторического источника² в отношении сравнительно поздней исторической

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*, в. I, СПб., 1910; в. II, СПб., 1913; М. Н. Тихомиров. *Источниковедение истории СССР*, М., 1962; В. И. Стрельский. *Основные принципы научной критики источников по истории СССР*, Киев, 1961.

² См. общие работы на эту тему: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова. *Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. «Советская этнография»* (далее: СЭ), 1952, № 1. М. Г. Левин. *Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (к методологии изучения истории бесписьменных народов)*. СЭ, 1961, № 1.

эпохи — II тыс. н. э. на примере расселения русского народа на европейском Севере. Но предварительно остановлюсь вкратце на основных этапах исследований русской и советской антропологии в области этногенеза, применительно к территории Восточной Европы³.

* * *

Начальным этапом в истории русской антропологии были 60-е годы XIX в., когда возник антропологический отдел Общества любителей естествознания при Московском университете. По существу, именно с этого времени начинают использовать данные антропологии в качестве исторического источника. В работах пионера русской антропологии А. П. Богданова была сделана первая серьезная попытка привлечения краниологических материалов с территории русской равнины для решения проблемы этногенеза русского народа⁴. Сопоставляя краниологические материалы с физическими особенностями современного населения и изучая процесс сложения антропологических типов русского народа, А. П. Богданов пытался, в частности, разобраться в истории племен, населявших центральную часть русской равнины⁵. Характерно было и его отношение к месту антропологической науки вообще. Считая антропологию наукой естественноисторической (биологической), Богданов справедливо считал, что она «связывает естественно-исторические науки с областью исторических и философских наук, является к ним необходимым введением и дополнением»⁶.

В конце XIX — начале XX в. данные о физическом типе населения все чаще используются для нужд исторической науки; характерный пример — некоторые исследования крупнейшего русского антрополога и географа Д. Н. Анучина. Когда в 80-х годах XIX в. Д. И. Иловайский выступил со своей оригинальной, но необоснованной теорией о славянстве гуннов, Д. Н. Анучин, используя показания древних авторов о физическом типе гуннов, доказал несомненную принадлежность их основного ядра к монголоидной расе⁷. Можно привести и другой пример исследования, в котором Анучин, пользуясь антропологическим материалом, сделал ряд заключений по истории заселения и колонизации русской равнины⁸. Выделив на территории Восточной Европы два ареала относительной высокорослости (северный и южный) и два — низкорослости (западный и восточный), Д. Н. Анучин пришел к важному историкогеографическому выводу, что причины сложения этих ареалов следует искать не в природных и экономических условиях, а в истории расселения по русской равнине финских и славянских племен. Добавлю, что спустя 40 лет, в 1932 г., основываясь на сведениях Центрального статистического управления по призывному на-

³ Историкогеографические обзоры см.: Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, М., 1955; Г. Ф. Дебед. Сорок лет советской антропологии. «Советская антропология» (далее: СА), 1957, № 1; М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский. Советская антропология к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, СЭ, 1957, № 5.

⁴ А. П. Богданов. Материалы по антропологии курганного периода в Московской губернии. «Изв. Общества любителей естествознания при Московском университете», М., 1867.

⁵ А. П. Богданов. Меряне в антропологическом отношении. Из протоколов антропологической выставки, М., 1879, стр. 13—14.

⁶ А. Богданов. Антропология и университет, «Отчет и речь, произнесенные в торжественном собрании имп. Моск. университета 12-го янв. 1876 г.», М., 1876, стр. 23.

⁷ «Протоколы заседаний этнографического отдела имп. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее: ОЛЕАЭ) при Московском университете». «Изв. ОЛЕАЭ», т. XLVIII, вып. 1, М., 1886, стр. 32—39.

⁸ Д. Н. Анучин. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным всеобщей воинской повинности в Империи за 1874—1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. «Записки Географического общества», СПб., 1889.

селению 1927 г., другой известный русский антрополог — В. В. Бунак проделал аналогичную работу. Исследование это в целом подтвердило выводы Д. Н. Анучина, но внесло в них известные коррективы и добавления⁹.

Меньший интерес для историка представляют исследования современников и коллег Анучина, которые также изучали антропологический состав восточнославянских народов (Н. Ю. Зограф, В. В. Воробьев, А. Н. Краснов, Я. Д. Галай, А. А. Ивановский и др.)¹⁰. Несмотря на устаревшую методику, неполноту материала, технические погрешности при его обработке и другие недостатки в работах, следует отметить, что эти авторы стремились использовать данные антропологии для выяснения исторического прошлого русского народа.

Наряду с московскими антропологами, главной базой которых было Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, в Петербурге в начале XX в. было создано Русское антропологическое общество, где последнее десятилетие до революции господствующим направлением была школа Ф. К. Волкова. Отдельные исследования представителей этой школы сыграли в целом положительную роль, дав новый материал по неизученным областям расселения русского народа; таковы, например, исследования Д. А. Золотарева по русскому Северу¹¹. Однако же исследования самого Ф. К. Волкова, посвященные антропологической характеристике украинцев, были проникнуты откровенным украинским национализмом и стремлением противопоставить украинцам — представителям якобы «славянской расы» — русских, белорусов, поляков¹². Несостоятельность научных приемов Волкова и тенденциозность его выводов были убедительно доказаны Д. Н. Анучиным¹³.

Дальнейшее развитие и значительное усовершенствование антропологической методики связано с деятельностью Е. М. Чепурковского¹⁴. Уже заглавие первой крупной работы Чепурковского показывало, что автор рассматривает географические вариации отдельных антропологических признаков и выделенные на основании этих вариаций территориальные типы населения в связи с историей освоения страны, с процессом колонизации. Впервые в русской антропологии были ясно

⁹ В. В. Бунак. Географическое распределение роста призывного населения СССР по данным 1927 г. «Антропологический журнал» (далее: АЖ), 1932, № 2.

¹⁰ Н. Ю. Зограф. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний, М., 1892; В. В. Воробьев. Материалы к антропологии великорусского населения некоторых уездов Рязанской губернии. «Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ», т. ХСV, М., 1899; А. Н. Краснов. Материалы для антропологии русского народа. «Русский антропологический журнал», кн. II, М., 1902; Я. Д. Галай. Антропологические данные о великорусах Старицкого уезда Тверской губернии, М., 1905; А. А. Ивановский. Об антропологическом составе населения России. «Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ», т. XXII, М., 1904.

¹¹ Д. А. Золотарев. Антропологические данные о великорусском населении побережья Белоозера и реки Шексны в пределах Новгородской губернии. «Изв. Рыбинского отд. Ярославского естественно-исторического общества», в. 1, Ярославль, 1915; Его же. Антропологические данные о великорусах побережья рр. Сухоны и Северной Двины. «Ежегодник Русского антропологического общества при имп. Петроградском университете» (далее: ЕРАО), т. VI, 1916; Л. Капица. Антропологические данные о поморах Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии, там же.

¹² Ф. К. Волков. Антропологические особенности украинского народа. «Украинский народ в прошлом и настоящем», Пг., 1916.

¹³ Д. Н. Анучин. К антропологии украинцев. «Русский антропологический журнал», М., 1918, № 1—2.

¹⁴ Е. М. Чепурковский. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами (Материалы для антропологии России). «Изв. ОЛЕАЭ», т. СХХIV, в. 2, М., 1913; Его же. Очерки по общей антропологии. «Труды Государственного дальневосточного ун-та», т. I, кн. 3, Владивосток, 1924 (гл. IV, стр. 138, 157); Его же. Распределение головного показателя русских крестьян по уездам. «Русск. антропологический журнал», т. XII, кн. 1—4, М., 1922.

намечены ареалы основных антропологических типов русского народа. Особенный интерес для историка представляет ареал длинноголового населения, который был выявлен Чепурковским среди южных великорусов (в Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерниях). Историческая интерпретация материала была в целом правильно предложена самим Чепурковским¹⁵.

В 20-х годах, несмотря на общие достижения антропологической науки, изучение русского народа, а следовательно, и использование данных антропологии в целях изучения его истории находилось в состоянии некоторого застоя. Частично это объясняется тем, что основное внимание после революции было обращено на изучение национальных меньшинств страны; исследование русского населения проводилось, как правило, в областях их пограничного расселения (В. В. Бунак, Б. С. Жуков, П. И. Зенкевич), а не на территории, где происходило формирование этнического ядра русского народа. С другой стороны, некоторая задержка в области конкретных исследований была связана с разработкой методики в области этнической антропологии (Е. М. Чепурковский, В. В. Бунак, А. И. Ярхо, Я. Я. Рогинский, Г. Ф. Дебец, Н. Н. Чебоксаров и др.).

Большое значение для историка представляют опубликованные в начале 30-х годов сводные работы В. В. Бунака, посвященные антропологическому составу русских¹⁶. Используя данные по этнической антропологии, накопленные за предшествующие периоды, В. В. Бунак установил в составе современного русского народа основные антропологические типы и, сопоставив их с типами, выделенными на краниологическом материале, пришел к ряду этногенетических выводов о связях различных местных групп русского народа с соседним финским населением, а также с дорусским населением Восточной Европы.

С 30-х годов нашего столетия наметился серьезный сдвиг в области этноантропологических исследований. Несмотря на длительное тормозящее влияние так называемого нового учения о языке Н. Я. Марра, успехи, достигнутые советской антропологией за последние четыре десятилетия, были значительны. В рамках этой статьи нет возможности хоть сколько-нибудь подробно остановиться на том вкладе в историческую науку, который был сделан советскими антропологами-расоведами даже только применительно к проблемам русской истории¹⁷. Именно в это время были сформулированы основные методические принципы в области этнической антропологии.

С начала 50-х годов была начата сплошная антропологическая съемка на территории расселения восточных славян: в 1953—1957 гг. работала экспедиция, обследовавшая северных великорусов, в 1955—1958 — экспедиция, изучавшая состав великорусов центральных и южных областей, в 1956—1958 — экспедиция на Украине и в 1957—1959 — в Белоруссии. По этим материалам, которые и количественно и с точки

¹⁵ Е. М. Чепурковский. Географическое распределение..., стр. 83 и след.

¹⁶ V. B u n a k. Neues Material zur Aussonderung anthropologischen Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXX, Hft. 2, Stuttgart, 1932; V. B u n a k. The Craniological Types of the East Slavic Kurgans. «Anthropologie», Prague, 1932, X.

¹⁷ Перечислю важнейшие из этих исследований: Г. Ф. Дебец. Так называемый «восточный великорус» (к вопросу о пранародах и проторасах). АЖ, 1933, № 1—2; Е го же. Палеоантропология СССР. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. IV, М., 1948; Т. А. Тро ф и м о в а. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1; Е е же. Черепа из Никольского кладбища (к вопросу об изменчивости типа во времени). «УЗ МГУ», в. 63, М., 1941; Н. Н. Чебоксаров. Ильменские поозеры. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. I, М.—Л., 1947; В. В. Бунак. Антропологические исследования в южной Белоруссии. Антропологический сборник. «Труды Института этнографии. Новая серия», т. XXXIII, М., 1956.

зрения полноты описания превосходят все то, что было опубликовано ранее, к настоящему времени изданы лишь предварительные сообщения¹⁸.

* * *

Как с очевидностью вытекает из предыдущего изложения, подавляющее большинство работ, использующих антропологический материал для воссоздания истории русского народа, было посвящено самому раннему периоду его существования, по которому письменные источники или отсутствуют вовсе или крайне малочисленны. Я попытаюсь теперь показать значение антропологических данных для изучения сравнительно позднего периода, к которому относится процесс расселения русских на европейском Севере, т. е. для истории XII—XVII вв.¹⁹ Хронологические рамки устанавливаются первым бесспорным документом расселения русских на Севере — Уставной грамотой Святослава Ольговича (1137 г.), с одной стороны, и окончанием значительных массовых сдвигов населения в избранной для исследования области — с другой. Я имею в виду, конечно, основную территорию русского Севера, или Поморья, как именуют эту область документы XVII столетия; т. е. Занежье, бассейн Двины с Сухоной и Югом, побережья Белого моря, бассейн Мезени, и оставляю в стороне окраинные области, заселенные в значительной степени позднее: Кольский полуостров, Вятку и Пермь Великую. Впрочем, последние две области лишь административно входили в число поморских уездов в XVII в., а с историкогеографической и историкокультурной точки зрения долгое время представляли собой особые, отличные от Поморья, территории.

Материал, привлекаемый здесь для иллюстрации характера использования антропологических данных, еще не опубликован. Он был собран в течение нескольких лет (1953—1957 гг.) и является результатом шести экспедиций, в ходе работ которых было обследовано около 8 с половиной тысяч человек (мужчин)²⁰.

Антропологическое обследование населения по расоведческой программе производится с помощью специальной анкеты-бланка, в который заносятся индивидуальные размеры и характеристики обследуемых людей. При статистической обработке индивидуальные бланки сортируются по локальным группам в зависимости от места рождения. Для статистической достоверности в каждой локальной группе представлено не менее 100 человек. Локальные группы, обследованные на русском Севере, отделены одна от другой расстоянием около 150 км. Плотность населения на русском Севере довольно низка и в несколько раз уступает плотности населения в центральных областях России.

Обратимся к рассмотрению географической изменчивости отдельных антропологических признаков. Конечно, для статьи ориентированной на широкий круг историков различных специальностей, нет никакой необходимости приводить большое число антропологических признаков. Было бы неправильно также ограничиться рассмотрением итоговой карты распространения того или иного расового типа, так как выделение расового (или антропологического) типа — результат исследова-

¹⁸ В. В. Бунак. Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования. «Краткие сообщения Института этнографии» (далее: КСИЭ), т. XXXVI, 1962; В. Д. Дяченко. Наслідки роботи Української антропологічної експедиції 1956 року. «Матеріали з антропології України», в. I, Київ, 1960.

¹⁹ Учитывая, что статья эта рассчитана на широкий круг историков, я опускаю в дальнейшем разделы специально антропологического порядка: подробный анализ вариаций признаков, методику выделения типов и т. п.

²⁰ В сборе этого материала вместе с автором принимали участие студенты-лаборанты кафедр этнографии и антропологии МГУ.

ния, а распределение того или иного признака — объективная реальность, независимая от дальнейшей исследовательской работы.

На рис. 1 изображены вариации так называемого головного указателя (процентное отношение ширины головы к ее длине). Для удобства и простоты восприятия на приложенных к статье картах изменчивость признаков показана не дифференцированно, а обобщенно, т. е. на картах нанесены показатели больше или меньше того или иного класса или процентного распределения (по отдельным признакам). Географическое распределение головного указателя обнаруживает две отчетливые зоны: зону преобладания относительно широкоголового (брахицефального) населения и зону господства населения с более удлинённой формой головы (мезоцефального). Первая, в общем, характерна для центральных областей Европы (большой части русской равнины и стран центральной Европы), вторая — для Скандинавии, северной Германии, Британских островов. Обратим особое внимание на распространение мезоцефальной формы головы: как это видно на соответствующей карте, она преобладает в Приильменье, в бассейне Волхова и Приладожье, в устье Двины, Мезени, Печоры и по берегам Белого моря. Характерно, что головной указатель постепенно повышается с севера на юг вдоль всех больших рек Севера: Двины²¹, Мезени, Печоры. Как правило, головной указатель в долинах рек повсеместно ниже, на водоразделах выше. Максимумы головного указателя для русского населения получены в междуречье Сухоны и Волги — с одной стороны, и на Валдайской возвышенности с прилегающими к ней районами — с другой.

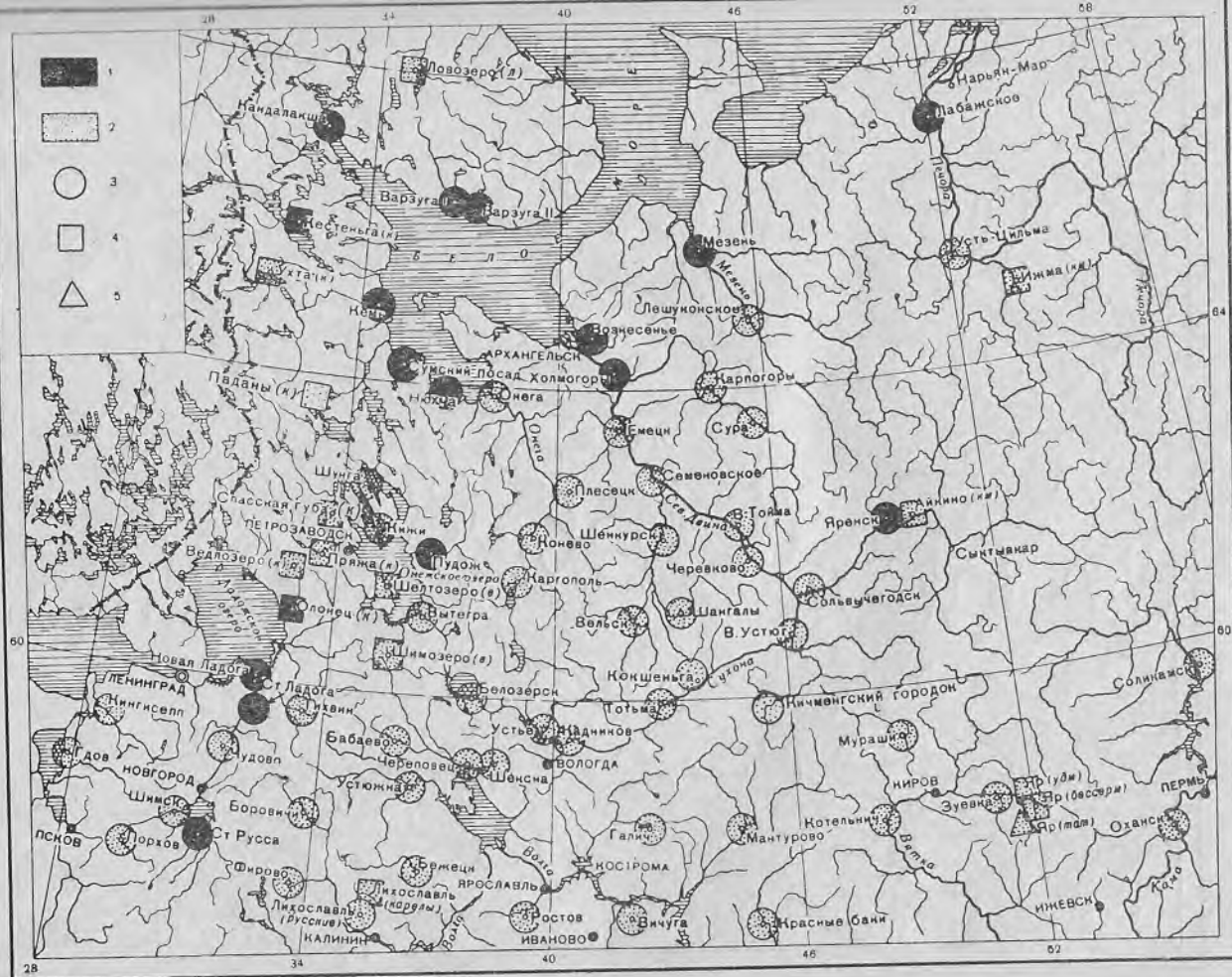
На другой схеме (рис. 2) показано географическое распределение морфологического лицевого указателя (процентное отношение высоты лица к его ширине). Направление географической изменчивости очень сходно с предыдущей. Зоны с большим указателем (т. е. с преобладанием относительно узколицего населения) фиксируются в Приильменье, по южному берегу Белого моря, на Мезени, нижней Печоре, в бассейне Двины. Преобладание относительной широколицести (по масштабу европейского Севера) зафиксировано снова на водоразделах, в междуречьях Волги и Сухоны, Сухоны и Двины, на верхней Онеге и верхней Пинеге.

Приблизительно такое же направление географической изменчивости обнаруживается и при рассмотрении вариаций целого ряда других признаков. Наложение на карту сочетания этих признаков позволяет выделить антропологический тип, который по месту его наибольшего распространения назван ильменско-беломорским²². Его отличают светлая пигментация глаз и волос, относительно высокий рост и большие размеры головы, удлинённая форма головы и лица и ряд других особенностей. Не останавливаясь на методике выделения расовых типов, сущность которой сводится к сочетанию важнейших признаков на территории, привожу схему распространения ильменско-беломорского типа (рис. 3).

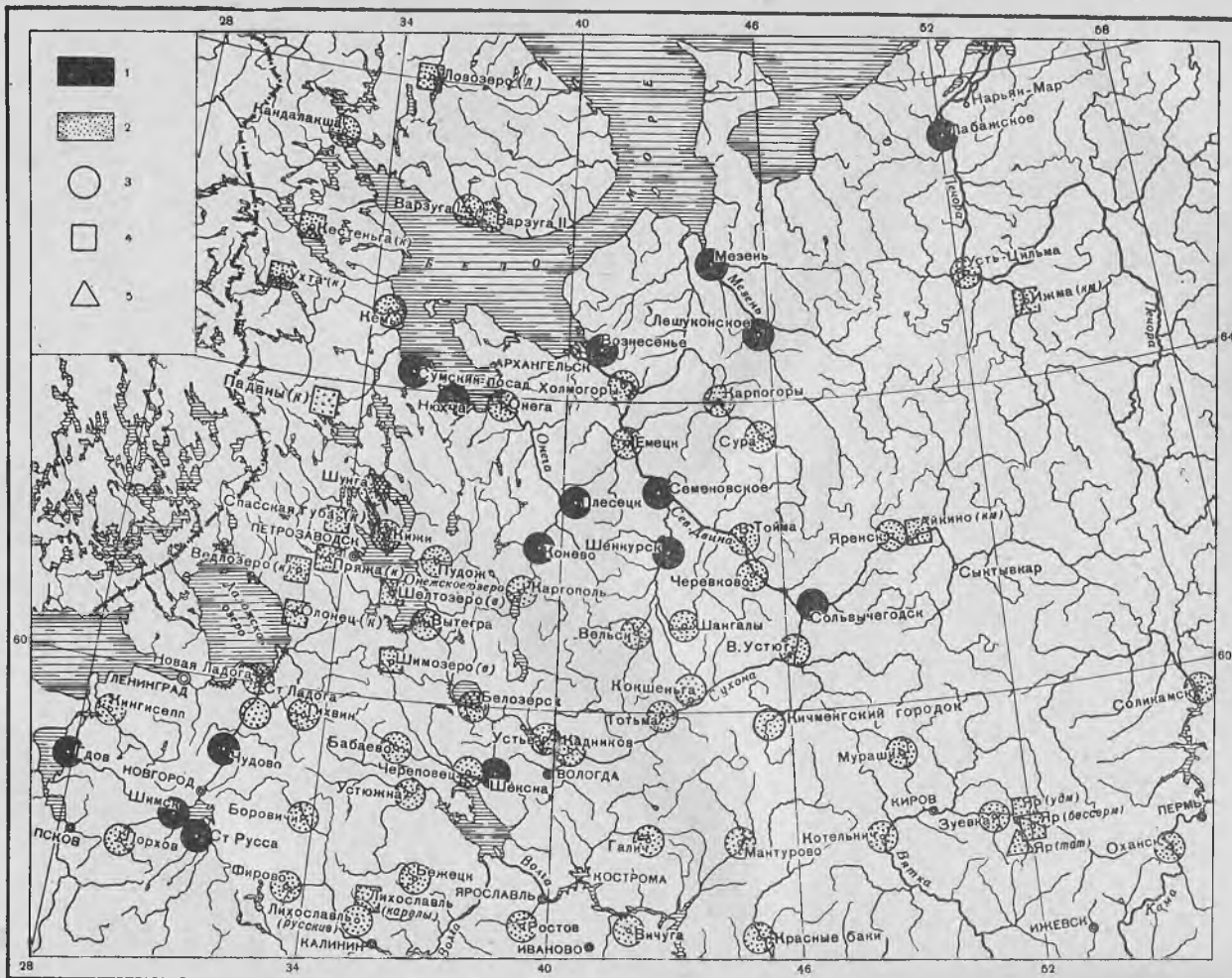
Рассмотрение вариаций других признаков дает возможность заключить, что имеет место и другое направление различий. На рис. 4 показано распределение степени выступания скул, что, как известно, в сочетании с другими признаками дает указание на некоторую примесь монголоидного элемента у обследованного населения. Обнаруживается, что ареалы несколько более сильного (в масштабах обследован-

²¹ В отношении Двины первым это обнаружил Д. А. Золотарев (Д. А. Золотарев. Антропологические данные о великорусах побережья рр. Сухоны и Северной Двины); позднее этот вопрос специально анализировал Н. Н. Чебоксаров (Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2).

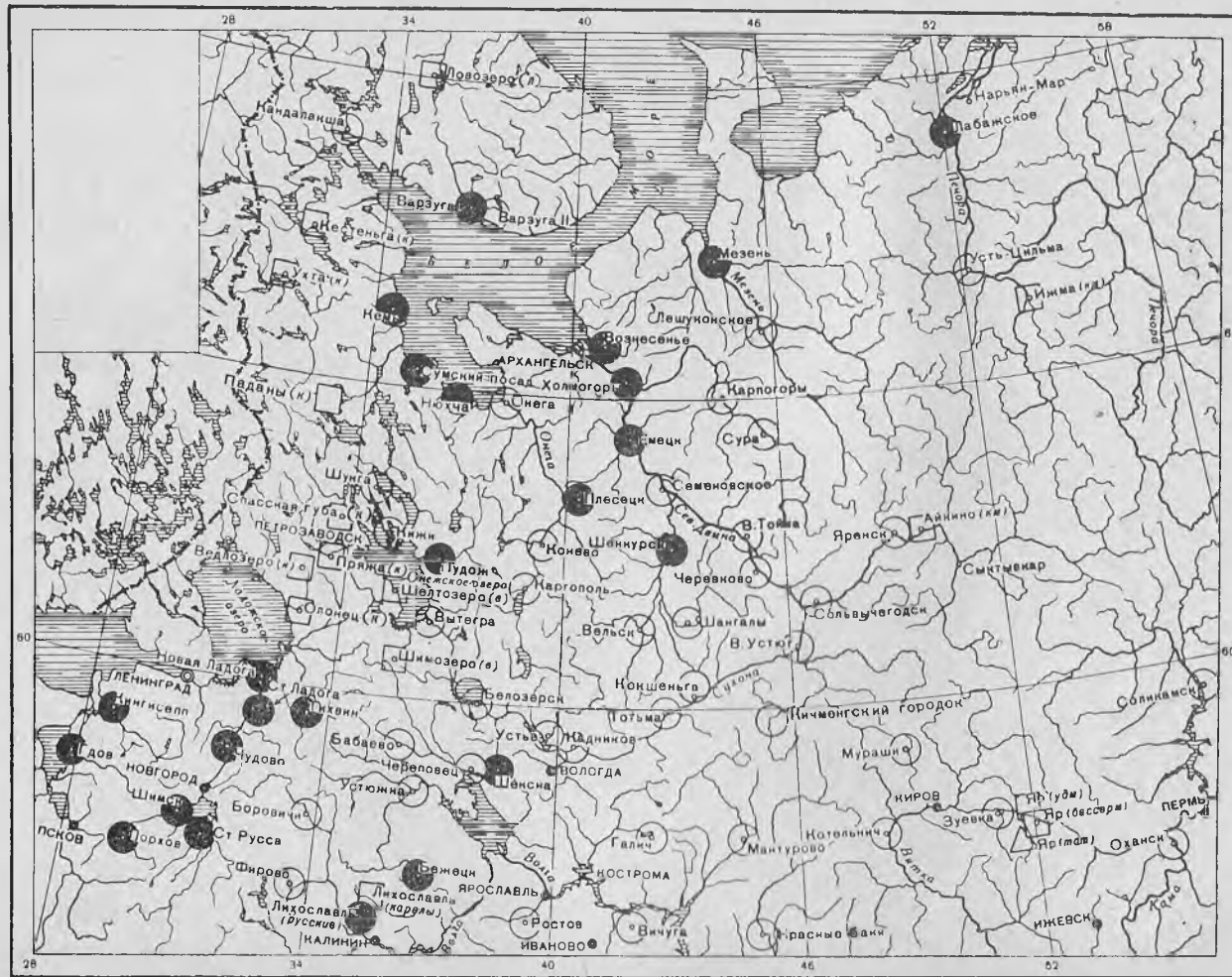
²² М. В. Витов. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.), М., 1964, стр. 2.

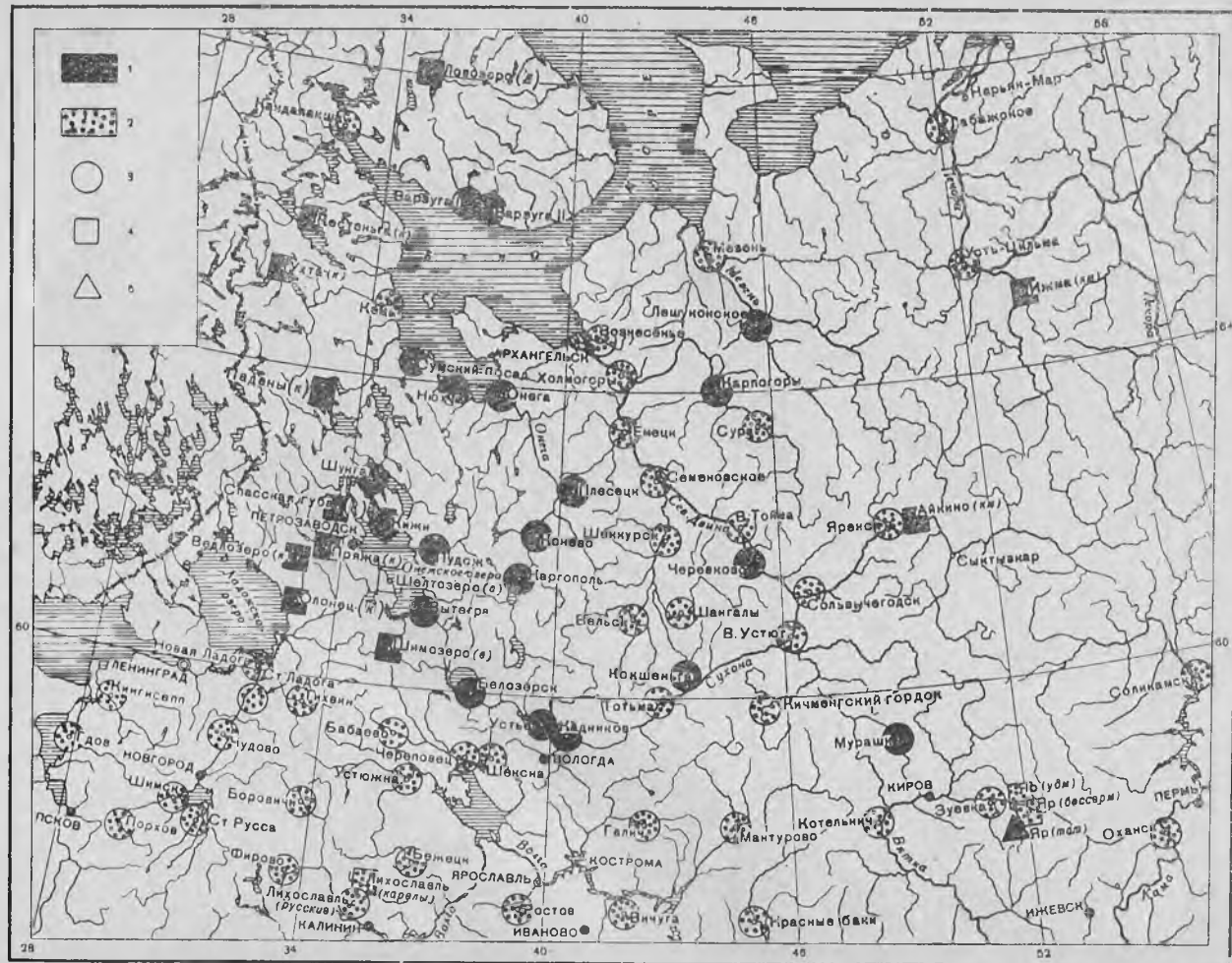
1-я карта. Географическое распределение головного указателя.
 1. х — 80,9; 2. 81,0—х;
 3. русские; 4. вепсы, карелы, лопари, коми, удмурты; 5. татары

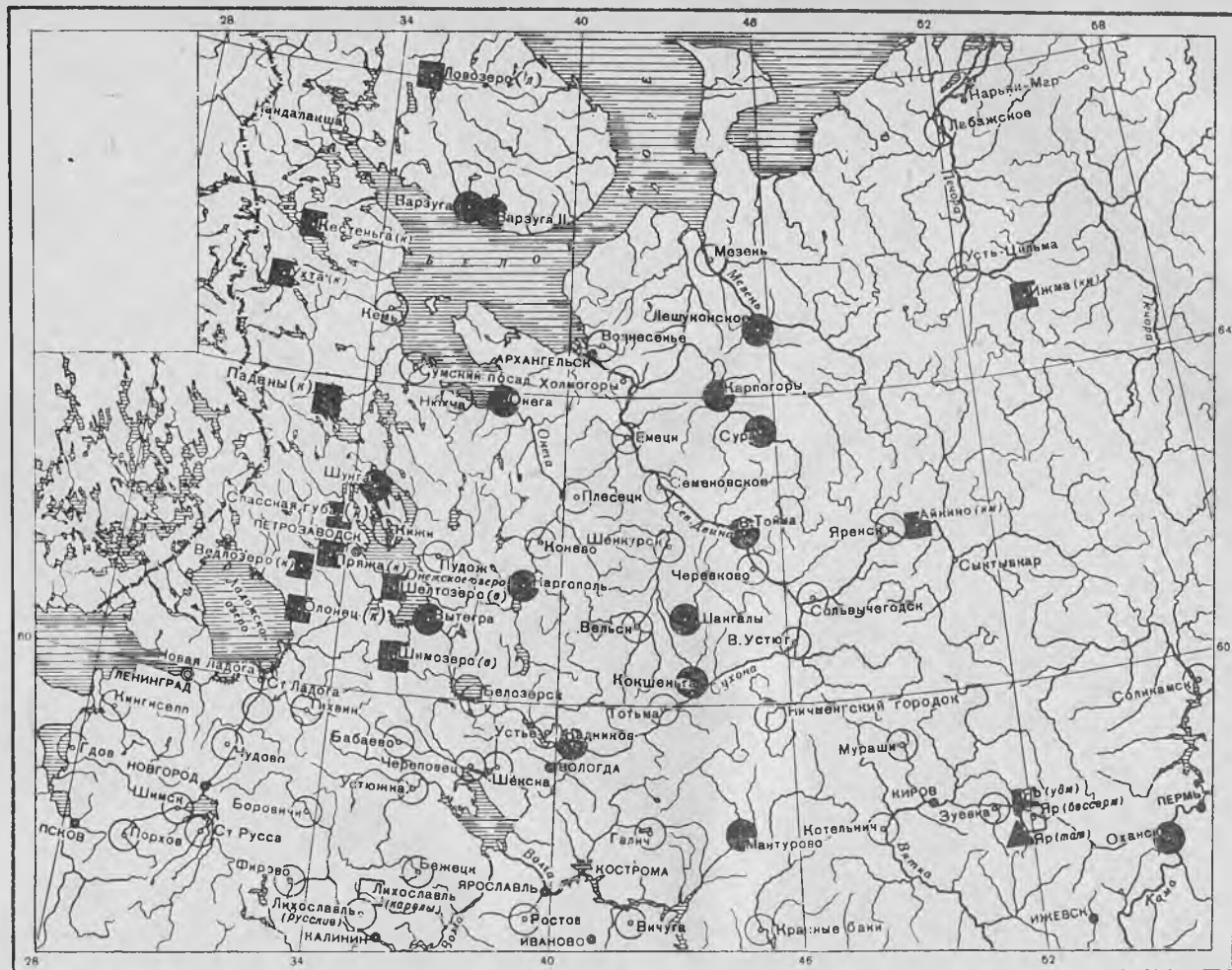
2-я карта. Географическое распределение морфологического указателя. 1. 91,6—х; 2. х—91,5; 3. русские; 4. вепсы, карелы, лопари, коми, удмурты; 5. татары

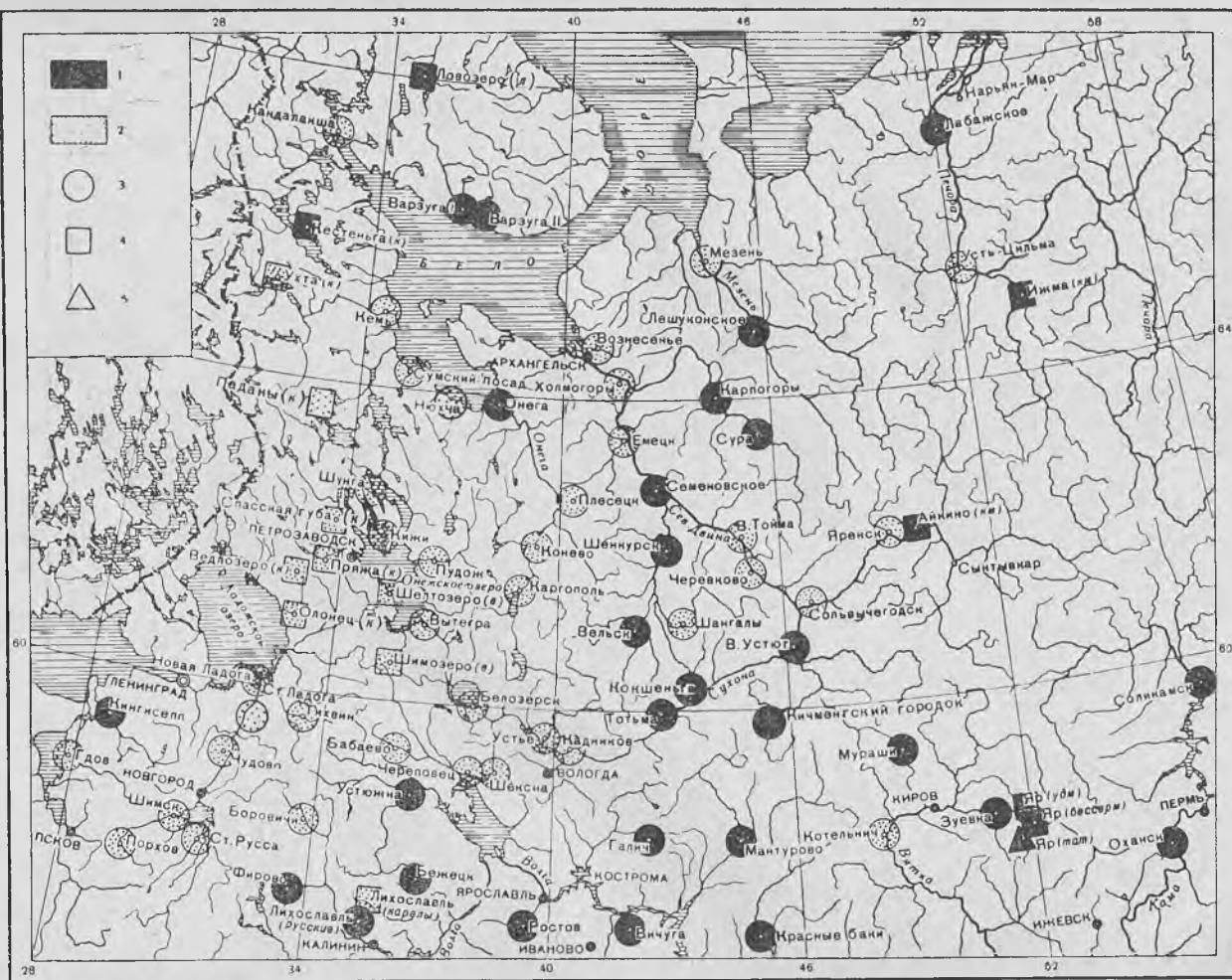
3-я карта. Распространение ильменско-беломорского типа

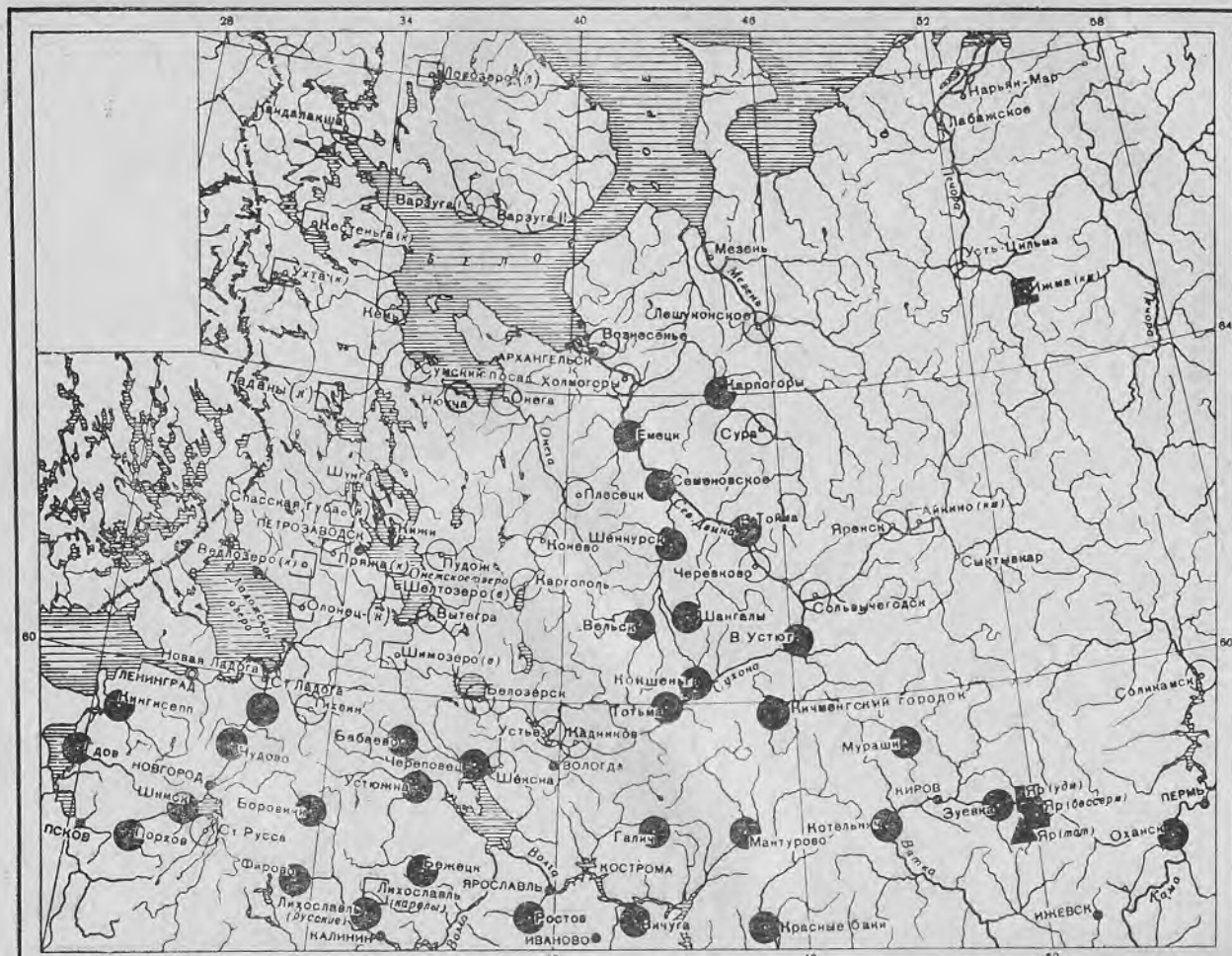
5-я карта. Степень развития волосяного покрова на теле. Географическое распределение (средний балл). 1. х—1,45; 2. 1,46—х; 3. русские; 4. вепсы, карелы, лопари, коми, удмурты; 5. татары

6-я карта. Распространение онежского типа

7-я карта. Географическое распределение светлых оттенков радужины (в процентах). 1. x—49,9; 2. 50,0—x; 3. русские; 4. вепсы, карелы, лопари, коми, удмурты; 5. татары

8-я карта. Распространение верхневолжского типа

ной территории) развития скул распространены на востоке и на западе, т. е. у аборигенов Севера — народов угро-финской языковой семьи (лопарей, карелов, вепсов, коми, удмуртов). У русских же скулы развиты заметно слабее. Все же у русского населения, примыкающего к угро-финнам, например, бассейна Пинеги и Мезени, а также на водоразделах Онеги, Сухоны и Двины, развитие скул несколько больше.

Аналогичную картину дает рассмотрение географического распределения другого признака, физиологически никак не связанного с предыдущим. Наименьшая степень развития волосяного покрова на теле выявлена у лопарей (саамов), карелов, смежных с ними русских Заонежья, русских верхней Онеги, а также на востоке: у коми и русских верхоявцев Пинеги, Мезени, Двины (рис. 5).

Сочетание ряда признаков (некоторая уплощенность лица, относительно большее выступание скулы, слабая растительность на теле и лице, некоторые особенности строения верхнего века и др.) дают возможность установить широкое распространение на европейском Севере онежского антропологического типа, также известного под названием «восточнобалтийского» или «восточноевропейского». Даже самое общее описание этого типа позволяет заметить, что в его формировании наряду с преобладающим европеоидным компонентом приняли участие элементы монголоидного происхождения. Преобладание этого типа у нерусского населения не вызывает сомнения. На схеме 6 показано распространение этого типа среди русских только в областях, смежных с угро-финскими народностями, и на водоразделах. Черты переходного (европеоидно-монголоидного) характера были обнаружены Е. В. Жировым еще у неолитического населения Заонежья²³. Со времени этого исследования появились новые данные, и хотя недавно по поводу интерпретации этого материала возникла полемика²⁴, большинство специалистов продолжает придерживаться мнения о происхождении дорусского населения европейского Севера в процессе древней метисации европеоидов и монголоидов.

Остановлюсь еще на одной комбинации признаков, характерной для некоторых областей, так как распространение описанных выше комплексов не исчерпывает расового состава Севера. На рис. 7 изображена географическая изменчивость цвета радужной оболочки глаз. В целом для европейского Севера характерна светлая пигментация волос и особенно глаз (светлыми принято считать те локальные группы населения, где процент светлых оттенков радужины зафиксирован не менее, чем у 50% обследованных). Все же в южных и юго-восточных областях европейского Севера обнаруживается отчетливый ареал, где процент светлых радужин отмечен меньше, чем у половины обследованных и где преобладают смешанные оттенки. Собственно на территории русского Севера это отчетливо выявлено в бассейне Сухоны и Юга, на верхней Ваге и верхней Пинеге. Еще отчетливее усиление пигментации зафиксировано в верхнем Поволжье, на Валдайской возвышенности, в Вятском крае. Некоторые другие антропологические признаки обнаруживают аналогичное направление географической изменчивости. Это позволяет выделить среди русского населения рассматриваемой территории еще один антропологический тип — верхневолжский. Очень близок описанному комплексу признаков так называемый валдайский антропологический тип, выделенный в составе русского насе-

²³ Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. КСИИМК, VI, 1940.

²⁴ В. В. Бунак. Человеческие расы и пути их образования. СЭ, 1956, № 1; В. П. Якимов. Антропологические материалы из неолитического могильника на южном Оленьем острове. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIX; Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы русской равнины и восточной Прибалтики. СЭ, 1961, № 6.

ления северо-западной России Е. М. Чепурковским. Тип этот один из наиболее распространенных среди русских. Я не провожу детального сопоставления между валдайским типом Чепурковского (названным им так по месту наибольшей концентрации типа) и намеченным выше комплексом признаков, так как это значительно уводит за географические рамки настоящей работы. Ограничиваюсь пока указанием на их большое морфологическое сходство.

Верхневолжский тип отличают несколько более темная пигментация, большее развитие третичного волосяного покрова, округлая форма головы, сравнительно невысокая верхняя губа и ряд других признаков. Рассмотрение сводной схемы (рис. 8) показывает, что верхневолжский комплекс распространен вдоль южных пределов русского Севера. В собственно поморские области он как бы устремляется через Сухону и Юг — далее через Кокшеньгу и верхнюю Вагу на среднюю Двину и Пинегу.

На крайнем севере может быть выявлен еще один антропологический тип — субарктический или лапоноидный, отличающийся крайне малым ростом (средний рост мужчин 155 см), а также некоторыми сглаженными особенностями монголоидного расового облика, хотя в целом он все же ближе к европеоидам. Тип этот зафиксирован только у лопарей (саамов) и лишь в виде незначительной примеси у их карельских и русских соседей.

Выделив основные антропологические типы русского Севера и наметив их ареалы, перейду теперь к историкогеографическому осмыслению полученных результатов. Основное внимание я уделяю здесь составу русского населения; поэтому речь пойдет в основном об исторических комментариях к распространению ильменьско-беломорского и валдайского типов. Начну с ильменьско-беломорского.

Первыми исследователями, которые давали антропологическую характеристику населения нижней Двины и Поморья, были Д. А. Золотарев и Л. Капица. Золотарев назвал выделенный им тип «нижнедвинским» и в общей форме указал на связь с Новгородом, где, впрочем, в то время, по существу, еще не был известен тип современного населения. Занимавшийся антропологией русского Севера и Новгорода в 30-х—40-х годах Н. Н. Чебоксаров на основании своих материалов и материалов Д. А. Золотарева установил довольно широкое распространение на севере светлых мезокефалов и присвоил им наименование беломорского типа²⁵. Происхождение этого типа Н. Н. Чебоксаров связывает с дорусским, чудским компонентом, главным образом потому, что у соседствующих с русскими карелов Кестенги и удорских коми был обнаружен тот же тип, а среди русских было обследовано слишком мало групп²⁶.

Теперь, когда вся территория была подвергнута сплошному обследованию, есть все основания считать, что распространение ильменьско-беломорского антропологического комплекса в пределах европейского Севера связано не с угро-финским населением, а происходило в процессе так называемой новгородской колонизации или, говоря иначе, носителями предковых форм этого типа были новгородские словене. Ос-

²⁵ Н. Н. Чебоксаров. Из истории светлых расовых типов Евразии. АЖ, 1936, № 2.

²⁶ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. Впрочем, и по данным Н. Н. Чебоксарова, мне кажется, нет оснований считать удорских коми более типичными представителями его беломорского типа, чем русских Подвинья. Удорцы заметно темнее по цвету волос, а кроме того, целый ряд признаков, связываемый обычно с европеоидной расой, выражен у них слабее, чем у русского населения (см. таблицы, приложенные к статье Н. Н. Чебоксарова «Антропологическое изучение коми». «Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и музея антропологии при МГУ», М., 1941, стр. 70—71).

новываюсь на следующих соображениях. Для предположения о формировании ильменьско-беломорского типа на территории европейского Севера (в узком смысле, исключая собственно новгородские земли) еще до прихода русских нет достаточных оснований. У карелов, вепсов и коми этот тип почти не проявляется; исключение составляют лишь удорские коми, соседящие с русскими поморами, легкая примесь этого типа может быть имеется в двух, опять-таки смежных с русскими, группах карелов. Значительно естественнее объяснить распространение ильменьско-беломорского типа на Севере миграцией населения из бассейна Ильменя и Волхова, так как там мы находим бесспорные аналогии как в облике современного населения, так и по краниологическим данным. Анализ краниологического материала по Новгороду позволил Н. Н. Чебоксарову²⁷ выделить в населении, жившем в начале II тыс. н. э., два антропологических типа. Позднее В. В. Седов, исследуя северо-западные области новгородской земли, дополнительно выделил еще один тип²⁸. Один из этих типов (европеоидный, мезокранный, сравнительно узколицый) можно рассматривать как предковую форму описанного выше ильменьско-беломорского типа. Нужно, правда, сказать, что и некоторые другие славянские краниологические серии, например кривичские, морфологически очень близкие новгородским, могли бы также рассматриваться как исходные по отношению к современным жителям северо-запада. Однако потомки восточных кривичей, т. е. жители центральных областей середины II тыс., по-видимому, были уже несколько иного антропологического облика²⁹. Таким образом, данные антропологии указывают на происхождение рассматриваемого типа с юго-запада нашей территории.

Я уже упоминал об антропологической близости ильменьцев к жителям северной Европы и, в частности, Скандинавии. Это находит объяснение не только в том, что в состав народов северной Европы вошли одни и те же элементы, восходящие к верхнепалеолитическим насельникам нашего континента, но и в весьма вероятной варяжско-скандинавской примеси у русских северо-запада. Вопрос этот требует специального исследования, но уже сейчас ясно, что физические особенности населения Новолadoжского и Волховского районов довольно близки среднему типу шведов по данным Лундборга и Линдерса³⁰. Это хорошо согласуется с историческими свидетельствами о связях Ладоги со Скандинавией, с одной стороны, и с Поморьем — с другой³¹. Археологические находки и, в частности, недавно опубликованные рунические надписи подтверждают существование связей Новгородского и Скандинавского севера.

Для доказательства выдвинутого тезиса представляется важным сопоставление описанного выше ареала ильменьско-беломорского типа с древнейшим документом, подробно рисующим территорию новгородских захватов к первой половине XII в., — Уставной грамотой Святослава Ольговича³². Грамота давно привлекала внимание исследователей и

²⁷ Н. Н. Чебоксаров. Ильменьские поозеры.

²⁸ В. В. Седов. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИЭ, т. XV, 1952.

²⁹ Т. А. Трофимова. Череп из Никольского кладбища (к вопросу об изменчивости типа во времени), стр. 210.

³⁰ H. Lundborg and F. Linders. The Racial Characters of the Swedish Nation, Uppsala, 1926.

³¹ Е. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе, КСИИМК, т. XI, 1945; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 79—80.

³² М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1876, стр. 219—220.

истолковывалась по-разному, однако лишь сравнительно недавно А. Н. Насонов дал ее исчерпывающий анализ³³.

В Уставе Святослава отражен ранний этап расселения новгородцев по европейскому Северу: в нем перечислены погосты по южному и восточному берегам Онежского озера, на Онеге, верхней Сухоне и Ваге, но главный ступок погостов сосредоточен на нижней Двине. В целом территория распространения ильменьско-беломорского антропологического типа напоминает территорию, занятую святославовыми погостами. Полного совпадения не может, конечно, быть уже потому, что антропологическая карта составлена на основании исследований среди современного населения, а Устав Святослава отражает обстановку первой половины XII в. Следует принять во внимание, что южные пределы территории, описанной в Уставе (земли по Сухоне и верхней Ваге), были позднее перекрыты низовской колонизацией, шедшей с юга из бассейна верхней Волги, которая не могла не изменить физического облика первоначальных русских насельников. С другой стороны, более отдаленные земли северо-востока (Мезень, Печора) и северо-запада (карельский и терский берега Белого моря) были заселены позднее, очевидно, с той же нижней Двины; замечу, в частности, что терский берег был новгородской волостью еще в XIII в., в XVI в. он также рассматривался как Новгородский уезд³⁴.

Существенным аргументом в пользу раннего проникновения русских переселенцев именно на нижнюю Двину является также существование там в конце XIV — начале XV в. «двинских бояр», которые, видимо, могли выделиться из среды местного крестьянского населения лишь в течение жизни ряда поколений.

Пути распространения новгородцев к нижней Двине и Белому морю могут быть взаимно проверены с помощью данных письменных источников и антропологии. При описании новгородской колонизации обычно приводят текст писцовой книги Андрея Лихачева 1563 г., где описан кемский волочек, обложенный оброком при предшествующем описании 1496 г. и впоследствии запустевший из-за «новой» дороги³⁵. Кемский волок связывал Заонежскую половину Обонежской пятины, т. е. часть новгородской метрополии, с Заволочьем. На карте распространения ильменьско-беломорского типа видно, как две половины ареала этого типа связаны, так сказать, небольшой «перемычкой» как раз в районе реки Водлы, с которой шел волок на Кенозеро и путь на среднюю Онегу, а оттуда на Двину и к берегам Белого моря.

Для проверки и уточнений в решении проблемы можно использовать еще один круг источников: данные языка. Сопоставляя диалектологическую карту³⁶ с антропологическими, легко заметить, что ареалу нашего ильменьско-беломорского типа почти полностью соответствуют территории распространения трех близких между собой северновеликорусских диалектов: западного (или собственно новгородского), частично олонецкого и особенно северного (поморского). Интересно почти полное соответствие южной границы поморского диалекта с южной границей ильменьско-беломорского типа. Новейшие диалектологические исследования приводят к выводам о колонизации Подвинья, хо-

³³ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, Варшава, 1855, стр. 203; Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 299—300; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 93 и след.

³⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее: ГВНП), М.—Л., 1949; «Русские акты Копенгагенского гос. архива», СПб., 1897; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 275.

³⁵ «Писцовые книги Обонежской пятины», Л., 1930, стр. 177.

³⁶ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, М., 1949; П. С. Кузнецов. Русская диалектология, М., 1951, и др.

рошо согласующимся с приводившимися выше материалами³⁷. Интересные результаты дают наблюдения над географией отдельных слов. На севере широко известен, например, термин «шелонник» — так называют юго-западный ветер. Северные крестьяне и рыбаки, живущие на берегах Белого моря или на Мезени, давно не помнят происхождения этого диалектного слова. Исторически этот термин, конечно, легко объясним: он мог возникнуть только в Новгороде, река Шелонь впадает в Ильмень как раз с юго-западной стороны. На этот чрезвычайно важный распознавательный признак для истории колонизации обратил внимание известный русский этнограф Д. К. Зеленин³⁸.

Вот неполный список местностей, где, по Зеленину, зафиксировано распространение слова «шелонник» (неполный, так как часто называется вообще Архангельская или Олонецкая губерния, без указания на уезд): побережья Белого моря, Кемский уезд, Колва, Мезень, нижняя Двина, Печора, Онега³⁹. По собственным наблюдениям я могу увеличить этот список, назвав устье Емцы, нижнюю Мезень и нижнюю Печору. Сопоставив схематическую карту распространения термина «шелонник» (рис. 10) с картой 3-й, легко убедиться, что население перечисленных районов характеризуется преобладанием ильменско-беломорского комплекса.

Так же результативно сопоставление антропологических ареалов с этнографическими и фольклорными. Рассматриваемому сейчас ильменско-беломорскому антропологическому ареалу находится немало этнографических соответствий в культуре народного жилища, орудий сельского хозяйства и т. п. Коротко остановлюсь на наиболее ярком и специфическом явлении в культуре северных великорусов — былинах, имея в виду, естественно, лишь географическую сторону этого явления. Хотя поиски былин производились с конца XIX в. повсеместно, былинная традиция была обнаружена только на русском Севере. В других местах, куда былины проникли в ходе позднейшей колонизации (Сибирь, Алтай, Дон), можно говорить лишь о следах этой традиции, в центральной и южной России количество и полнота записей ничтожны.

Во времена первооткрывателей северного эпоса П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга установилось определенное мнение о причинах, благодаря которым былины сохранились на Севере и исчезли в остальных областях расселения русского народа. «Этих причин две, и необходимо было их совместное действие: эти причины — свобода и глушь»⁴⁰. Позднее высказывались иные взгляды: о роли транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время шла торговля с иностранцами⁴¹, о роли промыслового хозяйства, для которого характерны длительные периоды вынужденного бездействия⁴², и т. п. Лишь В. Ф. Миллер, обратив внимание на географию былин, справедливо, как мне представляется, связал их распространение с колонизацией из Новгорода⁴³. Отмечу, что ко времени написания В. Ф. Миллером его статьи еще не были изданы важнейшие сборники былинного

³⁷ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке, М., 1959, стр. 109, 118 и след.

³⁸ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 372; Его же. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1954, № 6, стр. 57.

³⁹ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры..., стр. 372.

⁴⁰ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Изд. 4, М., 1949, стр. 34.

⁴¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 237.

⁴² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 30 и след.; В. Я. Пропп. Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 494—495.

⁴³ В. Ф. Миллер. Наблюдения над географическим распространением былин. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897.

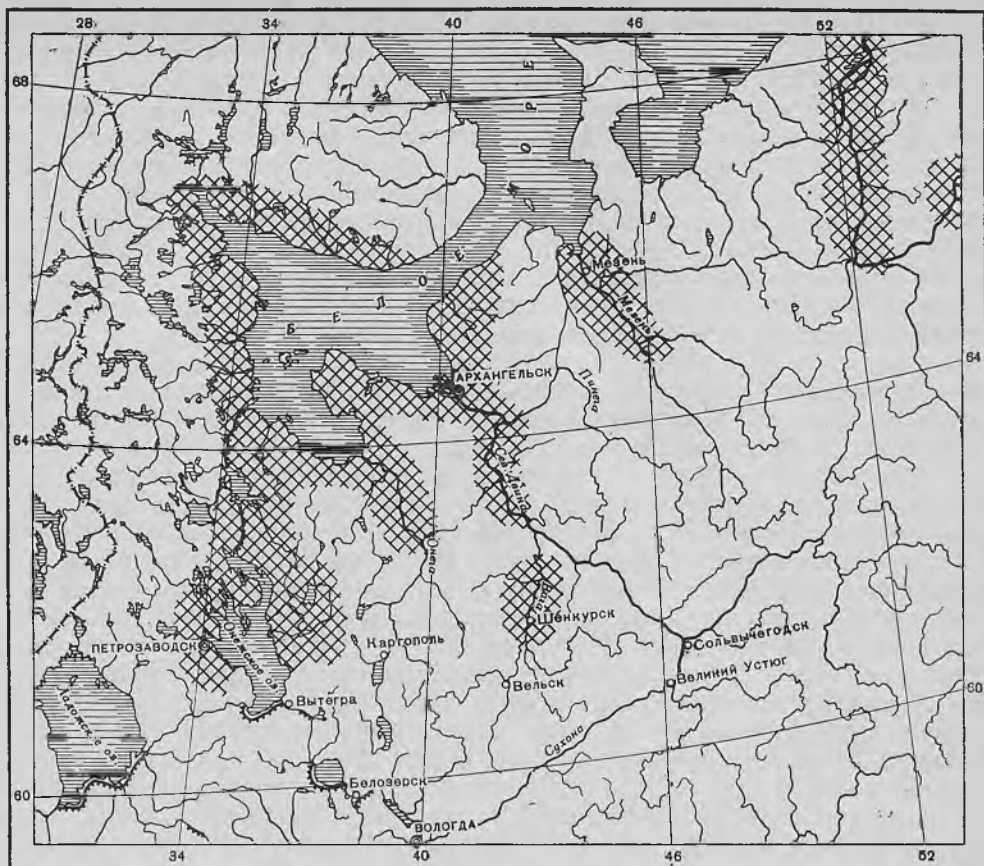

9-я карта. Основные центры былинной традиции на русском Севере (конец XIX — начало XX в.)

эпоса (А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова). К тому же в то время фольклористы не пользовались картографическим методом (как, впрочем, мало пользуются они им и сейчас). Эти обстоятельства не могли не ослабить аргументации этого выдающегося исследователя.

Использование историкогеографического метода в изучении былин приводит в нашем случае к наглядному результату. На рис. 9 показаны центры распространения былин на русском Севере⁴⁴. Не трудно заметить удивительное совпадение территории, на которой были записаны былины, с беломорской половиной описанного антропологиче-

⁴⁴ На карте учтены записи былин по основным сборникам конца XIX — начала XX в. (П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова, А. Д. Григорьева). Карта составлена С. И. Дмитриевой.

10-я карта. Распространение термина «шелонник» в пределах русского Севера

ского ареала. Картографирование отдельных сюжетов приводит, в общем, к тому же результату.

Предлагаемая схема распространения былин в пределах европейского Севера с высокой степенью вероятности свидетельствует о том, что распространение ильменско-беломорского типа и былинной традиции является отражением одного и того же исторического процесса — новгородской колонизации. Конечно, полное совпадение ареалов столь разнородных явлений, как физический тип населения и особенности духовной культуры, — вещь невозможная. Так, на исконной новгородской территории, где в общем сохранился прежний состав населения, былины (как и некоторые другие элементы народной культуры) исчезли, по-видимому, давно; в этом отношении правы те исследователи, которые указывали на существование ряда причин, благоприятствовавших сохранению былин на Севере. Отсутствуют записи эпоса и на юго-востоке русского Севера, где древнейшая новгородская колонизация была перекрыта потоком населения с верхней Волги.

Оставляя подробное изложение географии русских былин по отдельным их элементам для другого случая, отмечу здесь все же, что былинный ареал, охватывающий западное и северное Поморье, не может быть результатом случайного выбора пунктов исследований. Верхняя Двина, Вага, Сухона, Вятка не раз посещались фольклористами, этнографами и краеведами; там были записаны другие виды и жанры народного творчества (в частности — предания о древнем населении — чуди), однако былин там записано не было. Социальный состав населения, его занятия и направленность хозяйства в восточной

части Поморья также не слишком резко отличались от социально-экономических условий западного и северного Поморья⁴⁵. Основную причину бытования былин именно здесь я вижу в истории заселения.

Таким образом, сопоставляя данные этнической антропологии с показаниями самых разнородных источников (письменным источникам я сознательно уделил сравнительно небольшое место), прихожу к заключению, что распространение ильменско-беломорского типа отражает преобладание в этих местах физических потомков древних новгородцев. Прежде чем дать общее заключение о возможностях использования данных этнической антропологии для освещения колонизационных процессов, я вкратце остановлюсь и на историческом комментарии к другим выделенным выше типам; вкратце потому, что основная цель, которую я сейчас преследую,— не в детальном изложении этнической истории русского Севера, а в оценке данных антропологии, к тому же я ограничил себя в основном описанием антропологического состава лишь русского населения.

Если область формирования предыдущего типа находится явно вне рассматриваемой территории, то сложение субарктического и онежского антропологических типов происходило именно в этой обширной области. Еще в неолитическую эпоху на северо-востоке Европы жило население, неоднородное по своему физическому типу⁴⁶, представлявшее собой результат древней метисации европеоидной и монголоидной больших рас при преобладании первой из них. Ввиду того, что субарктический или лапоноидный тип зафиксирован только у лопарей (у скандинавских в несколько более чистом виде, у кольских — в более сглаженном), то не представляет особого труда сделать вывод, что примесь лапоноидного элемента среди русских или какой-либо иной этнической группы означала бы, что в какое-то время произошла ассимиляция лопарского населения. Легко было бы предположить, что такой процесс происходил в действительности, ибо, судя по историческим и топонимическим данным, лопари жили когда-то значительно южнее мест их современного обитания. Еще в XVII в. к северо-западу от Онежского озера были «лопские погосты», первоначально входившие в Водскую пятину. В житийной литературе встречаются упоминания о лопарях, населявших юго-восточную часть Онежского озера⁴⁷. В различного рода документах по Карелии XV—XVI вв. постоянно наталкиваемся на «лопь дикую» и «лопь лешую». Отдельные документы позволяют наметить границы расселения лопарей в различные периоды⁴⁸. Данные топонимики указывают на следы лопарей еще значительно южнее. И все же лопарская примесь не прослеживается в антропологических особенностях русского населения Севера достаточно ясно. Лишь в отдельных локальных группах можно усмотреть отклонения по отдельным признакам в сторону приближения к субарктическому типу. Можно указать, в частности, на население водораздела

⁴⁵ Различия в хозяйственном отношении существовали и существуют между промышленниками Беломорья и населением, живущим в долинах рек и занимающимся земледелием и скотоводством. Но культурные различия идут не в этом направлении. Максимум былинных сюжетов дали земледельческое Заонежье, промысловые Зимний берег Белого моря и нижняя Печора, тогда как поздно заселенный Карельский берег, где также господствуют промыслы, обнаружил слабую былинную традицию, а Сухона и Юг, с их земледельческо-скотоводческой направленностью крестьянского хозяйства, не сохранили былинной традиции вообще.

⁴⁶ Е. В. Жиров. Указ. статья; Г. Ф. Дебец. Указ. статья; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики, М., 1959, ч. II, гл. III.

⁴⁷ Е. В. Барсов. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края. «Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 гг.», стр. 30.

⁴⁸ Подробнее об этом см. М. В. Витов. Историкогеографические очерки Заонежья XVI—XVII вв., М., 1962, стр. 69 и след.

между нижней Онегой и Выгом; именно там в XVI—XVII вв. писцовые книги упоминают местность «Верхняя лопь».

Пытаясь объяснить приведенные факты следует иметь в виду, что русские, появившиеся на Севере в первые века II тыс. н. э., были земледельцами, селились вдоль рек и озер, стояли на относительно высоком, по сравнению с лопарями, культурном уровне. Лопари же в то время занимались рыболовством и охотой, жили разбросанно на значительной территории. Христианизация лопарей имела место довольно поздно и носила часто внешний характер. В этих условиях, несмотря на непосредственное соседство двух этнических групп, близкого контакта, который приводил бы к смешанным бракам, к быстрой языковой и культурной ассимиляции более малочисленной или менее культурно развитой группы, могло и не быть.

Точно также нет положительных оснований для утверждения, что северные карелы, издавна соседящие с лопарями и даже называемые своими южными земляками «лаппи»⁴⁹, ближе в расовом отношении к этим последним, чем южные карелы⁵⁰.

Кроме того, протолапоноидный тип северного неолита, послуживший основой для формирования типа современных лопарей, в отдаленные времена, возможно, при самом освоении территории европейского Севера, вошел в качестве одного из компонентов в состав онежского типа, характерного для карелов, вепсов, частично коми. Смешения, имевшие место между русскими и перечисленными этническими группами, несомненны, а вместе с тем несомненно и вхождение онежского типа в состав русского народа. Таким образом, если «лапоноидность» присутствует в типе русского населения, это, как правило, не является результатом непосредственной лопарской примеси, а опосредствовано вхождением ее в состав онежского типа.

Что касается онежского типа, то он, как показывает схема (рис. 6), отчетливо выявляется среди русского населения Севера. И если антропологические данные указывают на то, что формирование этого типа имело место среди нерусского и дорусского населения Севера, то данные письменности, давая примеры тесных русско-угро-финских этнических взаимоотношений на Севере, позволяют установить конкретный характер этого процесса. Укажу на некоторые из этих фактов. Целый ряд показаний источников свидетельствует о том, что взаимоотношения русских и аборигенного населения Севера были большей частью союзническими. В летописях неоднократно описываются совместные походы на емь и шведов, карелы участвуют в русских междоусобицах и т. д. Христианизация карелов, имевшая место еще в 1227 г., при Ярославе Всеволодовиче⁵¹, даже если она некоторое время носила внешний характер и бывали случаи возврата к языческим культам, не могла не способствовать сближению и смешению двух этнических групп. Один из документов (1315—1322 гг.) описывает, как чудские старейшины продают свой погост новгородскому боярину⁵²; надо полагать, что после этой продажи чудское население не исчезло, а осталось жить на своих местах. Не говоря уже о первых веках после начала русского расселения в Поморье, для XVI и XVII вв. есть определенные свидетельства о расселении угро-финских групп в ряде районов, где теперь живут одни русские. Сведения о расселении карелов в южном Беломорье находим в известии Томаса Соутэма и Джона Спарка,

⁴⁹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947.

⁵⁰ На это обратил внимание еще в 1933 г. Г. Ф. Дебед в своей уничтожающей рецензии на книгу Д. А. Золотарева, получившей, кстати сказать, значительно большую известность, чем сама книга (см. Д. А. Золотарев. Карелы СССР, Л., 1930; Г. Ф. Дебед. «Неприветливые» и «радушные», АЖ, 1933, № 1—2).

⁵¹ ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 191.

⁵² ГВНП, № 279, стр. 279—280.

которое относится к 1566 г. В описании земель по реке Вагу сказано: «Народ, обитающий в этих местностях,— дикий и говорит на другом языке; по большей части это все монастырские крестьяне»⁵³. Интересно упоминание о чуди в рукописи Ричарда Джемса 1618—1628 гг.: «Чуди — народ около Колмограда издревле так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; они там больше не находятся»⁵⁴.

Число исторических свидетельств можно, конечно, значительно умножить. В целом можно согласиться с точкой зрения М. В. Ломоносова, который, видимо, одним из первых указал на процесс ассимиляции чуди⁵⁵. Таким образом, с помощью показаний письменных источников удастся сопоставить распространение одного из выделенных нами в составе современного населения антропологических типов с дорусским населением северного края.

Наконец, само очертание ареала последнего из антропологических типов Севера — верхневолжского, ясно указывает на южные пределы исследуемой территории как на зону его формирования. Рассматривая схему (рис. 8), можно заметить, что ареал верхневолжского типа представляет собой что-то вроде треугольника, основание которого вытянуто от Чудского озера до Вятского края, а вершина находится на средней Двине. В направлении на северо-запад и северо-восток верхневолжский тип сменяется другими, описанными выше. Другое дело — с южной границей. Есть все основания считать, что основной очаг расхождения этого типа находился к югу или к юго-западу от описанной выше зоны. Это подтверждается старыми материалами (прежде всего Е. М. Чепурковского, Д. А. Золотарева), а также новыми еще не опубликованными данными, собранными в Белоруссии и западной России. Что касается западной подобласти распространения верхневолжского типа, я укажу только на легко заметную связь рассматриваемого ареала с территорией расселения кривичей. Примесь этого типа в некоторых группах на Ильмене и Волхове может быть объяснена позднейшими миграциями: от перетасовок населения во времена Ивана III и Ивана IV до массовых перемещений, связанных с первой мировой войной⁵⁶.

Обращу основное внимание на распространение верхневолжского типа в бассейне Двины и Сухоны. Если главным центром его распространения выступают верхняя Волга и ее левые притоки, то только Сухона и Юг могли быть тем путем, по которому население, несшее верхневолжский тип, проникло на Север. На Двину попадали, видимо, через Устю и Вагу, так как верховья этой реки и низовья Вычегды были заняты населением другого происхождения. Данные письменных источников полностью соответствуют тем выводам, которые могут быть сделаны на основании изучения физического типа населения.

Известно, что политические и экономические связи между ростово-суздальскими феодалами и населением Севера, особенно Подвинья, установились давно. А. Н. Насонов считает, что самым ранним известием, которое позволяет предполагать спор за дань в Заволочье между ростовцами и новгородцами, относится к середине XII в. (1149 г.), хотя достоверно и не известно, где разыгрывались события. Распространение ростовской дани в Заволочье А. Н. Насонов относит к

⁵³ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1938, стр. 83.

⁵⁴ П. К. Симони. Заметка Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах. «Сб. Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей» (далее: ЛОИКФУН), т. I, Л., 1929, стр. 126.

⁵⁵ М. В. Ломоносов. Древняя Российская история, СПб., 1786, стр. 7.

⁵⁶ Массовые перемещения, связанные с немецкой оккупацией, не могли оказать влияния на рассматриваемый материал, так как обследуются лишь местные уроженцы, чьи отцы и матери также родились именно в данном районе.

50—60-м годам XII в. В документе о споре по поводу права владения Шенкурским погостом (1315—1322 гг.) упоминаются ростовские межи к югу от Паденги и Селенги. А. Н. Насонов, в отличие от других исследователей, относит, в связи с этим, бассейн Устья и Кокшеньги к областям ростовской колонизации и, сопоставляя документ 1315—1322 гг. с более поздними, обосновывает тезис о пути распространения ростовской дани с Сухоны на Кокшеньгу⁵⁷. Большой интерес представляет сопоставление карты распространения верхневолжского типа в бассейне Двины и Ваги с названиями тамошних погостов. Некоторые погосты называются «ростовскими», на что обратили внимание еще М. Б. Едемский и Д. К. Зеленин. Позднее этот вопрос специально анализировал А. Н. Насонов⁵⁸. «Ростовских» погоста три: на Кокшеньге, на Вели и на Северной Двине, в сорока километрах выше владения Ваги. Любопытно, что, соединив эти точки, мы получим треугольник, как раз совпадающий с выступом нашего верхневолжского типа на Север. Д. К. Зеленин связывает именно эту территорию с «ростовщиной», упоминаемой в духовных Ивана III и Ивана IV⁵⁹.

Имеются значительные соответствия и в этнографических данных: приведенному выше ареалу верхневолжского типа в пределах русского Севера соответствуют некоторые культурные зоны (особенности крестьянских построек, орудий труда и т. п.). Известные соответствия имеются и с диалектологической картой⁶⁰.

* * *

Таким образом, в предыдущем изложении на примере колонизации русского Севера было показано, что данные этнической антропологии находятся, как правило, в соответствии с данными письменных источников, языка, особенностями народной культуры. В связи с этим может показаться, что использование исторических свидетельств для понимания происхождения ареалов антропологических типов является известной логической ошибкой (*idem per idem*), так как используя антропологический материал для исторических целей, я в то же время вынужден, как бы противореча себе, сталкивать его опять-таки с помощью памятников письменности. Противоречие конечно, мнимое. Использованием разнородных источников достигается их взаимная проверка. В данном случае важно было показать сопоставимость показаний антропологического материала с данными иных источников, а следовательно, возможность и желательность расширения традиционного источниковедческого арсенала. Такое сопоставление показаний разных источников представляется важным в методическом отношении, так как только на основе принципиальной допустимости сопоставлений данных антропологии с показаниями письменных источников возможна дальнейшая оценка первых, характеристика их особенностей.

Как мне представляется, именно установление сопоставимости, о которой я говорил выше, теоретически допускает возможность использования данных антропологии при таких обстоятельствах, когда вообще отсутствуют другие источники или часть их. Сопоставимость показаний данных антропологии с данными иных источников при

⁵⁷ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 188, 189.

⁵⁸ М. Б. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Зап. Отд. русск. и славянск. археологии Русск. археологич. об.», 1913, т. IX, стр. 45—49; Д. К. Зеленин. Велюкорусские говоры..., стр. 438; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 189, 195.

⁵⁹ Д. К. Зеленин. Велюкорусские говоры..., стр. 438.

⁶⁰ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915.

изучении процессов колонизации и вообще при разрешении историко-географических вопросов основана на элементарном, по существу, положении о том, что территориальное распространение отдельных антропологических особенностей и их комплексов (типов) отражает какие-то исторические процессы переселения и смещения людских коллективов. Естественно, что процессы, получившие отражение в пространстве антропологических типов, могут быть различны. В одних преобладает чисто этническая сторона, например расселение славянских племен среди балтов и финнов, что сопровождалось ассимиляцией и аккультурацией; в других — доминирует чисто социальная сторона: например, размещение однодворческого населения в южно-русских областях или сложение казачества в различных южных и восточных областях России. Но, разумеется, сами по себе антропологические типы не расселяются, так как сами люди никогда не подбираются сознательно по росту или цвету глаз, это, как уже было сказано выше, является следствием тех или иных исторических процессов⁶¹.

Остановлюсь теперь на общей характеристике антропологических материалов как исторического источника. В целом данные антропологии как исторический источник обладают большим объемом и относительно бедны содержанием. Под содержанием источника я понимаю всю совокупность отраженных в нем разнородных исторических фактов, под объемом — чисто количественную сторону: совокупность исторических фактов одного порядка, отраженных источником. Иначе говоря, антропологические измерения предоставляют историку чрезвычайно обильный и многочисленный, но однообразный и односторонний материал. Действительно, как было показано выше, данные этнической антропологии служили историку для разрешения вопросов происхождения того или иного народа, его дальнейшей этнической истории, вопросов колонизации, ассимиляции и пр., т. е. для решения приблизительно одного круга историкогеографических проблем⁶².

С другой стороны, объем сведений, извлекаемых из данных этнической антропологии, чрезвычайно велик. Количество известных памятников письменности, относящихся к любой эпохе, кроме новейшего периода, существенно не увеличивается, несмотря на то, что архивные фонды время от времени пополняются новыми находками. Эти находки, конечно, не идут в сравнение с возможностями количественного увеличения антропологических данных: в археологических раскопках, относящихся к различным историческим периодам, добываются все новые и новые материалы. Все расширяющиеся программы исследований среди современного населения также обеспечивают обильное поступление новых сведений. Можно указать лишь на одно обстоятельство, существенным образом ограничивающее возможности появления новых материалов по современному населению: резко усилившийся процесс смещения групп населения, что постепенно затрудняет обследование населения, однородного по своему национальному и территориальному (месту рождения) составу. В пределах нашей страны это особенно относится к районам усиленного промышленного строительства и ко вновь осваиваемым землям. И все же это обстоятельство, которое уже через несколько десятилетий будет серьезно затруднять

⁶¹ См. Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. СЭ, 1952, № 1.

⁶² Конечно, речь идет о материалах, собранных по стандартной расоведческой программе среди современного населения или о краниологических сериях, относящихся к средневековью; скелетный материал отдаленного прошлого использовался для разрешения самых различных проблем (см., напр., исследования В. В. Бунака о происхождении речи по данным антропологии). В задачи статьи не входит, конечно, и оценка скульптурных реконструкций М. М. Герасимова и его школы.

проведение массовой антропометрической съемки, полностью компенсируется быстрым пополнением краниологических коллекций⁶³.

Коротко остановлюсь также на одном явлении, затрудняющем использование данных антропологии как исторического источника. Это явление так называемой эпохальной изменчивости. Например, антропологи конца прошлого и начала нашего столетия, наталкиваясь на некоторые различия в строении черепа у населения курганного периода и у современного им населения той же географической области, делали заключение о якобы имевшей место смене этнического состава. Между тем, как это было установлено в 30-х годах исследованиями В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца, некоторые изменения в форме черепа (увеличение головного указателя) могли и не быть связаны со значительной сменой этнического состава, а объясняются общим явлением так называемой брахикефализации. К сожалению, причины и сущность этого явления не вполне выяснены. Эпохальная изменчивость, конечно, затрудняет сопоставление антропологических типов, выделенных на ископаемом и современном материале, особенно при недостаточном количестве находок. Наконец, следует упомянуть об одном культурном явлении, которое зачастую вообще делает невозможным пользование данными антропологии. Имею в виду практику трупосожжения, широко распространенную в отдельные исторические периоды.

Однако перечисленные трудности в использовании антропологических данных окупаются теми преимуществами, которыми обладают эти материалы по сравнению с данными письменности. О большом объеме источника я уже упоминал. Подчеркну еще две важные особенности. Одна из них — объективный характер показаний этого источника: результаты антропометрических измерений сами по себе беспристрастны. Другая особенность: с помощью антропологических материалов создается возможность широкого хронологического и территориального охвата, что, в свою очередь, создает условия для рассмотрения исследуемой проблемы на широком историческом и географическом фоне.

Таким образом, общая оценка антропологических материалов говорит в пользу более широкого их применения.

Остановлюсь теперь на некоторых частных преимуществах использования антропологических данных и вернусь в этой связи к конкретному материалу по антропологии русского Севера. Один из существенных вопросов в проблеме происхождения русского народа — вопрос о роли дорусского субстрата. Этнические, языковые и культурные взаимоотношения русского народа с предшествующим ему на территории Восточной Европы финским населением неоднократно обсуждались в исторической литературе. Применительно к русскому Северу проблема эта решалась большинством дореволюционных историков так, что роль аборигенных финских племен в сложении русской народности, а позднее нации игнорировалась (Н. Полевой, С. Ф. Платонов и др.⁶⁴). Эту же точку зрения разделял и Д. К. Зеленин⁶⁵. С другой стороны, в 20-х годах нашего столетия наметилась и другая тенден-

⁶³ Пополнение идет очень быстро, достаточно упомянуть лучшую сводную работу Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии нашей страны (Г. Ф. Деб е ц. Палеоантропология СССР). Написанная в 1944 и опубликованная в 1948 г., эта лучшая обобщающая работа по палеоантропологии в настоящее время во всех разделах нуждается в существенных дополнениях по мнению самого автора (См. Г. Ф. Деб е ц. Сорок лет советской антропологии. СА, 1957, № 1).

⁶⁴ Н. Полевой. История русского народа. Изд. 2, т. I. М., 1830, стр. 63. С. Ф. Платонов. Новгородская колонизация Севера. «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», Пг., 1922, стр. 27.

⁶⁵ См., напр., Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. СЭ, сб. III, 1940, стр. 23—24.

ция — по возможности преувеличить роль угро-финнов в этногенезе великорусов, особенно северных. М. Н. Покровский, например, полагал, что неславянская примесь составляет у русских чуть ли не 80% ⁶⁶. Преувеличивали роль финнов в сложении великорусской народности В. А. Егоров, М. Г. Маркелов, С. П. Толстов ⁶⁷. Обе эти точки зрения несомненно ошибочны. Представляется, во-первых, что памятники письменности, которыми пользовалось большинство перечисленных исследователей, не дают сами по себе без привлечения других данных, достаточного материала для основательного ответа на поставленный вопрос, и, во-вторых, что попытка решения проблемы в целом, без дифференцированного подхода к отдельным историкогеографическим областям, ошибочна. Не имея возможности в рамках этой статьи дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, укажу, что решение возможно лишь при комплексном использовании ряда источников; не последнюю роль в этом комплексе должны сыграть данные антропологии. Анализ карты распространения онежского типа и сопоставление ее с данными письменности (рис. 6), приводит к заключению, что ареал онежского типа отражает преобладание дорусского, видимо, угро-финского населения. И, напротив, карта, иллюстрирующая распространение ильменьско-беломорского типа, свидетельствует против значительного участия дорусского компонента в этой зоне (рис. 3). Очевидно, что вопрос этот не может быть решен одинаково для разных территорий даже в пределах Поморья.

С проблемой дорусского субстрата связана и другая, казалось бы, чисто историческая проблема о классовом составе новгородской колонизации, которая неоднократно дискутировалась в русской исторической науке. Одни исследователи указывали на преобладание на русском Севере «боярской» колонизации (А. Я. Ефименко, С. Ф. Платонов, А. И. Андреев), другие — на господство крестьянской колонизации (М. М. Богословский, А. П. Шурыгина, Л. В. Данилова), третьи, наконец, подчеркивали роль монастырей в освоении северного края (А. И. Никитский, А. С. Лаппо-Данилевский).

Существо проблемы заключается, очевидно, в следующем: сопутствовало ли феодальным захватам XII—XV вв. также и проникновение на север русского земледельческого населения или дело ограничивалось лишь установлением власти феодалов над населением, искони сидевшим на своих землях. При первом ответе — этнический состав населения изменился сразу вместе с расселением на севере русского крестьянства, при втором — имел место постепенный и длительный процесс ассимиляции аборигенного населения. Полагаю, что приложенные карты дают ответ и на этот вопрос. В зоне господства онежского типа, отражающего, как мы видели, дорусский этнический компонент, следует предполагать в основном длительную ассимиляцию местного населения, тогда как для зон преобладания ильменьско-беломорского и верхневолжского типов есть все основания считать преобладающей крестьянскую колонизацию.

Большое преимущество антропологического источника вижу также в способствовании установлению четких границ между отдельными историко-этнографическими группами, выяснению путей расселения и т. д. Интересно, например, обратить внимание на путь новгородцев, как бы наглядно запечатленный на рис. 1—3 (Ильмень, Волхов, Заонежье, средняя Онега, нижняя Двина, Беломорье). Представляется

⁶⁶ М. Н. Покровский. Образование Московского государства и великорусская народность. «Историческая наука и борьба классов», в 1, М.—Л., 1933, стр. 284.

⁶⁷ В. А. Егоров. Движение новгородских финнов на Юг. «Сб. ЛОИКФУН», т. 1, Л., 1929; М. Г. Маркелов. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 57—62; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. Там же.

также возможным проследить по антропологическим данным историю длительной борьбы Новгорода и Москвы в Подвинье. Основная линия, на которой шла борьба между Новгородом и низовскими городами, тянулась от нижней Двины до верхней Ваги. Интересно проследить постепенный переход в типе населения на участке от островов в дельте Двины до Вельска (на этом пути обследовано шесть групп). Приведу цифры по двум признакам. Средние величины головного указателя почти равномерно увеличиваются с севера на юг (80,1; 80,0; 80,1; 82,2; 82,1; 83,3), также закономерно падает процент светлых оттенков радужины (67,2; 52,3; 52,9; 39,8; 48,1; 39,6). Эта картина постепенной смены антропологического типа соответствует медленному освоению древних новгородских земель на Двине, которое шло со стороны Ростова, а позднее Москвы. В Уставной грамоте 1137 г. новгородские погосты охватывают не только нижнюю Двину и всю Вагу, но выходят на Сухону (Тотьма). В спорном деле 1315—1322 гг. о владении Шенкурским погостом «ростовские межи» находятся уже где-то в междуречье Ваги и Сухоны. В дальнейшем новгородская территория Двины уменьшается еще значительно. В послании арх. Иоанна территория Двинской земли ограничена пространством между Емцой и морем⁶⁸. Использование данных антропологии в сочетании с показаниями письменных источников дает возможность проследить постепенное проникновение низовских людей на Вагу и Двину (рис. 8).

При изучении расселения ростовцев на Севере важное значение имеет установление их путей. Упомяну в связи с этим еще раз о спорной проблеме — о происхождении населения бассейна реки Кокшеньги, так называемых «кокшаров». М. Б. Едемский, Д. К. Зеленин, основываясь на местных преданиях и топонимике, высказывались за их новгородское происхождение. А. Н. Насонов подверг пересмотру эту точку зрения, приведя ряд доказательств в пользу первоначального распространения на Кокшеньгу ростовской дани⁶⁹. Сильная концентрация верхневолжского типа в районе нижней Сухоны, Кокшеньги и верхней Ваги говорит в пользу последней точки зрения⁷⁰.

* * *

Проделанный выше обзор использования данных антропологии для решения исторических проблем (преимущественно истории расселения и колонизации) позволяет убедиться в целесообразности использования антропологического материала при воссоздании исторического процесса не только древнейших эпох, но и II тыс. н. э.

⁶⁸ И. М. Людин. Грамота о сиротах Терпилова погоста. «Проблемы источниковедения», т. V, 1956, стр. 292—293.

⁶⁹ М. Б. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Зап. отдела русск. и славянск. археол. Русск. арх. об.», 1913, т. IX, стр. 45—49; Д. К. Зеленин. Велико-русские говоры..., стр. 437; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 189.

⁷⁰ По авторитетному мнению С. Б. Веселовского, и в XVI—XVII вв. бассейн Сухоны, с которым граничат верхняя Кокшеньга, испытывал значительный прилив населения из верхнего Поволжья, что еще более усиливало перевес в этих местностях доли верхневолжского компонента.